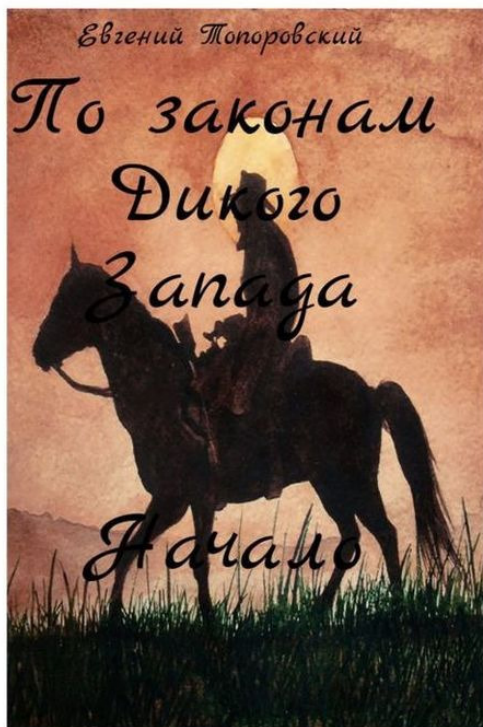

18+

Евгений Топоровский

По законам Дикого Запада. Начало

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47422578

ISBN 9785005056863

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Отошедший от дел охотник за головами Клив «Бритва» Бриннер рекрутирован маршалом Соединенных Штатов для уничтожения банды грабителей банков. Хотя Бриннер и выступает на стороне закона, его прошлое отнюдь не безупречно. После боя с «Парнями Папаши Финнигана» в его руки попадает индейский амулет, перенесший охотника на сто лет в будущее. Теперь ему предстоит сразиться с шайкой наркоторговцев, что называют себя «Бешеными Псами», а заодно разобраться и со своим прошлым.

Содержание

По законам Дикого Запада	5
Часть первая	6
Глава 1. Засада	6
Глава 2. Бен Ринго	10
Глава 3. Казнь	22
Глава 4. Парни Финнигана	54
Глава 5. Схватка	68
Конец ознакомительного фрагмента.	79

По законам Дикого Запада. Начало

Евгений Топоровский

© Евгений Топоровский, 2019

ISBN 978-5-0050-5686-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

По законам Дикого Запада

Часть первая

Штат Техас, 188.. год

Глава 1. Засада

Клив сидел в бочке из-под солонины. Сидел давно, должно быть, часов пять, размышляя об этой, полной несправедливостей, жизни.

Майк Арлин, огромный рыжий ирландец, в руках которого дробовик «Уитни» десятого калибра выглядел не более чем изящной тросточкой, досасывал, наверное, уже десятую кружку пива в салуне «Эльдорадо». Причем за казенные деньги.

Питер Уитмор, второй помощник федерального маршала, в накрахмаленной белой рубашке и шерстяном костюме-тройке, удобно устроился в плетеном кресле с раскрытой газетой в руках. Кресло стояло в цирюльне старого Дика, наискосок от здания банка, и Питер с комфортом наблюдал за входом сквозь большое, хотя и грязное стекло витрины.

Лерою, правда, повезло меньше. Он сидел, скорчившись на колокольне городской церкви, и мучился от жары ничуть не меньше самого Клива. Но выбора у Сэма не было. Куда можно запрятать лучшего стрелка, вооруженного, к то-

му же здоровенным «Шарпом» пятидесятого калибра? Только на колокольню. Неудобно, жарко, зато и шансов поймать пулю намного меньше. Не то, что у него, Клива.

По плану, предложенному федеральным маршалом Джонсом, Клив отвечал за маленькую дверь, расположенную на заднем дворе банка. В то время, пока Арлин и Уитмор будут поливать парней Финнигана свинцом, он должен проскочить через двор и обрадовать бандитов своим появлением с тыла. Клив вполне был способен на такое. Лет пятнадцать назад он посчитал бы это простой работенкой, но и сегодня, в свои пятьдесят пять, не видел в ней ничего невозможного. Пальцы левой руки скрючил артрит, но правая, хвала Господу нашему, оставалась такой же быстрой, как и раньше. Ну а тех, кто прорвется наружу, если конечно, будет, кому прорываться, встретит Лерой со своим громобоем. Клив им не завидовал. Тяжелая свинцовая пуля, выпущенная из такой пушки, легко отрывала конечности, оставляя фонтанирующие кровью обрубки с торчащими из ран обломками костей. А попав в туловище, все равно в грудь или спину, разрывала живот, выпуская на свет божий розовые лохмотья легких и сизые кольца кишок. Человека, непривычного к подобному зрелищу, могло и стошнить.

Клив слегка поморщился, отгоняя от себя возникшую перед внутренним взором картину. Пошевелился, удобнее примостив свое тщедушное тело на небольшом полене, поставленном на попа, и принялся изучать узоры, образован-

ные кристаллами соли на слегка изогнутой поверхности дубовых досок. Вот всадник в широкополой шляпе, несущийся во весь опор. Силуэт лошади едва заметен, но это обстоятельство нисколько не портит картины, сложившейся отчасти на темной поверхности бочки, отчасти в разыгравшемся воображении Клива. А вот каньон Рио-Гранде, каким он видел его на дагерротипе в Остине, в борделе матушки Клэп, где побывал в году одна тысяча восемьсот шестьдесят восьмом. Или в шестьдесят девятом? Нет, точно в шестьдесят восьмом. После неудачной охоты за парнями из Банды Черных Холмов, в окрестностях городка Раунд Рок. Тогда Клив потратил месяц, преследуя двух ковбоев, которые, в конце концов, почувствовав слежку, разделились и покинули территорию округа Тревис. А он, измотанный до полной потери сил, и, вдобавок подхвативший простуду, решил устроить себе небольшой отпуск.

А почему, нет? В карманах звенело серебро за голову Малыша Бена Ринго, мелкого шулера, дурака и легкую добычу. Обычно за Ринго никто не дал бы и пяти центов в базарный день, но однажды, перебрав виски, этот пьянчужка застрелил своего соперника по игре в покер прямо в салуне, на глазах, по меньшей мере, тридцати горожан и ковбоев с окрестных ранчо! Мозги несчастного забрызгали стены заведения и сюртук мэра Льюиса, безвозвратно испортив аппетит большинству посетителей. А покойника пришлось хоронить в закрытом гробу, дабы уберечь безутешную вдову и пришед-

ших на похороны от лишних переживаний. Вот тогда-то цена за Бена Ринго и взлетела до двухсот баксов. Ордера с надписью «РАЗЫСКИВАЕТСЯ ЖИВЫМ ИЛИ МЕРТВЫМ» красовались на фасадах каждого дома в Хейвене, а салун и здание почты украшали, как минимум, десяток листов каждое. Под дурно исполненным портретом Ринго зловеще чернело набранное крупным кеглем слово «УБИЙЦА» и трехзначное число, начинающееся на двойку, а заканчивающееся двумя нолями. Иногда Клив задумывался, какой части из этих двухсот монет он обязан испачканному мозгами сюртуку мэра? И каждый раз приходил к ответу, что, по крайней мере, половине. Черт, неплохо, совсем неплохо за несколько пятен крови, кусочков кости и мозга на отрезе дорогого твида.

Кружащиеся в хороводе воспоминания постепенно становились все ярче, оттесняя на задний план жару и провожавшую мясом бочку. Веки охотника медленно опустились и Клив, упершись лбом в шершавые, пропитанные солью доски, провалился в тяжелый сон.

Глава 2. Бен Ринго

Полночная луна заливала мертвенно бледным светом слегка колышущиеся кукурузные стебли, когда Клив серой тенью скользнул по правому краю поля. Достигнув неширокой, ярдов в тридцать, полосы желтой земли, отделявшей поле от огороженного прогнившими досками двора, он присел на одно колено. Минут на пять замер, вглядываясь в темные, затянутые бычьими пузырями окна хибары. Никого.

Лишь тихо шелестели длинные, заостренные, как накопники копий, листья, в черном небе глухо ухали совы. И еще кое-что. Что-то среднее между детскими всхлипами и скулежом, время от времени прерывающееся коротким похрюкиванием. Небольшая пауза, затем снова всхлипы и похрюкивания. На лице Клива расплылась довольная улыбка, обнажив пожелтевшие от табака, но еще крепкие зубы. Легко поднявшись на ноги, он по-прежнему бесшумно перетек к изгороди и, на секунду замешкавшись, поднырнул под ветхой доской ограждения. Прикасаться к древней, криво сколоченной калитке Клив не решился. Эта изъеденная ветрами и солнцем конструкция могла обрушиться на землю с грохотом, способным разбудить мертвеца задолго до прихода Страшного Суда. С быстротой и грацией горной кошки он пересек залитое призрачным светом луны пространство двора. Прижавшись левым плечом к деревянной стене хижины,

осторожно выпрямился.

Теперь храп спящего в домике человека, более походил на хрип подавившегося собственным языком эпилептика. Клив помнил, как хрипел на полу салуна «Красотка Молли» городской пьяница Джим Морис, а док Берлингтон его, Клива, ножом, разжимал старику зубы. Рот Мориса пузырился густой белой пеной, чуть розовой в тех местах, где губ и языка коснулось бритвенно-острое лезвие.

Клив распахнул короткую, дубленой кожи, куртку. Откинул правую полу и положил ладонь на обмотанную сыромятными шнурами рукоять револьвера. Большой палец привычным движением сдвинул вперед веревочную петлю, охватывавшую курок. Чуть потянув рукоять на себя, проверил насколько легко выходит оружие из кобуры. Затем, едва касаясь левым плечом стены, скользнул к узкой дощатой двери, ведущей в хижину.

Мягко толкнув дверь, Клив переступил порог, и тут же в нос ему ударил тяжелый запах перегара. Плавным движением охотник достал из кобуры револьвер, одновременно взводя курок. Раздался тихий, маслянистый щелчок. Барабан провернулся, заряженная большой круглой пулей камера замерла точно напротив казенника. Дульный срез ствола, похожий на широко распахнутый глаз, описал полукруг, внимательно осматривая скудное убранство хижины.

Очаг, сложенный из плоских камней, небольшая вязанка хвороста, лежащая рядом. Слева от очага, на высоте около

пяти футов, приколоченная к стене полка. На ней помятый, закопченный кофейник, небольшой котелок, кружка и грубо слепленный глиняный горшок. Фигурка Девы Марии. То ли вырезанная из дерева, то ли гипсовая, под слоем пыли, щедро смешанной с сажей и не разглядишь. Такие бесплатно раздавали в торговых миссиях лет двадцать назад. Под полкой лежал наполовину пустой мешок из-под муки, с чернильным клеймом бакалейной лавки Хейвена. Груда кукурузных початков, плетеная корзина для зерна, на треть заполненная пшеницей. Сбитый из досок небольшой стол и колченогая табуретка сиротливо жались к дальней стене хижины. Над столом – деревянное распятие грубой работы.

На полу, в центре единственной комнаты, лежал набитый соломой матрац, а на нем, лицом вверх, раскинулся Малыш Бен Ринго. Свесившаяся с края матраца голова запрокинута, круглый подбородок, украшенный жиденькой эспаньолкой, смотрел точно в закопченный потолок. Левая рука нежно обнимала большую, галлонов на пять, стеклянную бутылку, с остатками мутной, белесой жидкости на дне. Правая, откинута в сторону, сжимала рукоять револьвера. «Кольт. Тридцать шестой калибр, морская модель», – автоматически отметил Клив. А из приоткрытого рта Малыша доносились те самые, скуляще-всхлипывающе-хрюкающие звуки.

Клив навел ствол своего ремингтона¹ на лежащего перед ним Ринго. Пухлый толстячок, ростом не более пяти футов

¹ Имеется ввиду револьвер образца 1858 года, модель «Шериф»

и двух дюймов, был одет в черные брюки классического покроя и белую шелковую рубашку с крахмальным воротничком. Тесьмяные подтяжки, словно патронные ленты, крест накрест пересекали его упитанный торс. Темные пятна жира, практически черные в призрачном свете луны, покрывали грудь и круглый, колышущийся в такт храпу, живот. Были на рубашке и другие, похожие на набрызги краски, отметины. Кровь. «Должно быть, того парня, что так неудачно выиграл последнюю в своей жизни партию покера», – сообразил Клив. Не отводя оружия от Малыша, он присел на корточки и, осторожно потянув за ствол, извлек кольт из разжавшихся во сне пальцев. Осторожно выпрямился, с интересом глядя на револьвер. По черному воронению ствола, причудливо изгибаясь, вилась золотая лоза. Изогнутая рукоятка сработана из чуть желтоватой слоновой кости. Блестящий, цвета полированной стали, барабан. В пяти каморах слабо поблескивали полусферы свинцовых пуль, еще одна была пуста. «Наверное та, заряд из которой убил бедолагу ковбоя», – подумал Клив. – «Хороша игрушка, не меньше сорока баксов. Откуда она у этого проходимца?» Поднеся кольт к лицу, он осторожно втянул носом воздух. Так и есть. От револьвера до сих пор доносился слабый запах сгоревшего пороха.

Клив засунул кольт за широкий, украшенный серебряным шитьем, ремень. Отведя ногу, слегка стукнул носком сапога по лаковой туфле Ринго. Потом еще раз, сильнее. Храп на мгновение прервался, Малыш невнятно замычал, чуть

повернув голову. Его левая рука ласково погладила бутылку по круглому, пузатому боку. Храп зазвучал с прежней силой. Тяжело вздохнув, Клив полез в карман куртки и достал небольшой моток прочной веревки, сплетенной из кожаных шнуров. Склонившись над бесчувственным толстячком, быстро, но тщательно связал ему кисти рук. После короткого раздумья, оставшимся куском стянул лодыжки, полностью обездвижив Ринго. Окинув взглядом скудное убранство хижины, быстрым шагом вышел во двор.

Обойдя дом, Клив направился к стоящему невдалеке сараю. Быть может, там удастся найти веревку и несколько досок для волокуши. Откинув в сторону деревянный запор, он распахнул створку ворот и подался назад от ударившего в нос сладковатого запаха разложения. Сквозь щели в стенах и высокой, двускатной крыше, на земляной пол падали косые полосы лунного света. У дальней стены сарая лежала мертвая лошадь. На голове уздечка, поводья накрепко привязаны к ржавому железному кольцу, вкрученному в толстый, вкопанный в пол, деревянный столб. Небрежно брошенное на землю седло валялось в нескольких футах от импровизированной коновязи. Лошадь лежала на боку. От жары ее раздуло, окоченевшие ноги торчали в стороны, словно палки, а туго натянутая на брюхе шкура была готова лопнуть от случайного прикосновения. Шея вытянута, незрячий, обращенный вверх глаз побелел и сморщился. Рот полуоткрыт, между желтых зубов виднелся прикушенный, цвета испор-

ченного мяса, язык. Из правой ноздри вниз тянулась полоска высохшей слизи. Рой сонных мух, ясно видимый в полосе лунного света, лениво кружился над лошадиной головой, издавая низкое, басовитое гудение.

Компанию лошади составлял мул, ничуть не в лучшем состоянии. Ржавая цепь, обвитая вокруг его шеи, крепилась к толстой железной скобе, глубоко вбитой в древесину. Цепь была настолько коротка, что при жизни несчастное животное наврядли могло прилечь. Теперь же, вздернутая над землей голова на неестественно выгнутой шее была обращена к Кливу. Пустые глазницы с копошащимися в них насекомыми смотрели сквозь него, иссохшие губы обнажили крепко сжатые зубы, создавая жуткое подобие улыбки. Жирная муха выползла из левой ноздри мула, и, не удержавшись, шлепнулась в пыль с тихим, но вполне различимым стуком. Клив с трудом оторвал взгляд от животных, лежащих на расчерченной полосами лунного света земле. Едва удержав поднявшийся из желудка ком, оглянулся по сторонам.

Вдоль правой стены сарая тянулись грубо сколоченные загоны для коз. Их обитатели лежали среди разбросанных по земле пучков высохшей травы, горошков навоза и клоков шерсти, напоминая странные музыкальные инструменты, издающие неприятный визжащий звук. Клив видел такие однажды, когда, перебрав виски, зашел в пеструю палатку передвижного цирка – шапито. Как же они назывались? Валанки? Нет, кажется, волынки. Точно, волынки, нацио-

нальная гордость Шотландии. Клив тогда подумал, что не хотел бы жить в стране, национальной гордостью которой считается игра на волынке.

В последнем, четвертом по счету, загоне лежало нечто, напоминавшее большую связку кукурузных стеблей. Лунный свет, пробивавшийся сквозь щели в досках, не достигал этого места, и странный предмет почти сливался с окружающим загон мраком. Клив выругался сквозь крепко сжатые зубы. «Скот пал от жажды, это ясно, как божий день. Лето в Техасе жаркое и сухое, сутки без воды – верная смерть, что для человека, что для скотины», – рассуждал он, замерев на пороге. «Лошадь, должно быть, Малыша Ринго. Приложившись к бутылки, он и не вспомнил о ней. Мул хозяйский, для работы на поле. И козы. Все наперечет, кроме хозяина». Заранее зная, что увидит, Клив прикрыл нижнюю часть лица пестрым шейным платком и решительно шагнул внутрь. Вонь усилилась. Плотная ткань облегчала дыхание, но тошнота тугим комком то и дело подкатывала к горлу.

В дальнем загоне лежал человек. Одетый в когда-то белую, полотняную рубаху, и широкие, такого же материала, штаны. Грязный, босой. Длинные, спутанные волосы падали на лицо. Индеец или мексиканец, точнее не разобрать. Руки неестественно вывернуты за спину и связаны куском старой разлохмаченной веревки. Клив, не спеша, извлек кисет, распустил кожаный ремешок, стягивавший края. Нашупал россыпь спичек, достал одну. Прижал красную головку к ногтю

большого пальца, и чиркнул. Раздалось негромкое шипение, сладковатая вонь гниения на миг сменилась запахом сгоревшей серы и фосфора. На конце длинной, пропитанной воском палочки, затеплился желтый лепесток пламени.

Рой жирных мух поднялся с лежащего на земле тела. В том, что человек мертв, сомневаться не приходилось. Клив присел перед телом и аккуратно, почти нежно, отбросил со лба покойника сальные пряди волос. Темная, выдубленная ветрами и солнцем, кожа. Глубокие, словно овраги, морщины, избороздившие лицо. Невидящие глаза смотрят прямо перед собой, рот широко распахнут в немом крике боли. Мексиканец, старик. На левой скуле кожа рассечена, обнажая кость, волосы слиплись от запекшейся крови, висок проломлен сильным ударом. На секунду задумавшись, Клив извлек из за пояса кольт Малыша, и еще раз внимательно осмотрел револьвер. Желтый огонек восковой спички осветил бегущую вдоль ствола золотую лозу, тускло блестящие латунные крышки, защищавшие механизм, рукоять, отделанную слоновой костью. Ага, вот оно! У самого основания рукояти блеснули тонкие нити волос, склеенные темной, уже высохшей, кровью.

Фрагменты головоломки с тихим щелчком стали на место, рисуя в сознании Клива картину произошедшего. Вот Малыш Ринго, гонимый предчувствием неизбежной расплаты, несется на взмыленной лошади, не разбирая дороги. В душе царит страх и отчаяние загнанного зверя. Внезапно едва за-

метная тропа оканчивается, выводя всадника к жалкой хибарке перед небольшим кукурузным полем. Чего хотел Ринго? Возможно, воды, пищи или короткого отдыха, прежде чем продолжить отчаянную гонку со смертью. Но старик, работавший в поле, не говорит по-английски, на все вопросы отвечая недоуменным: «Но компрендо, синьор».

Оставив безуспешные попытки объясниться, Ринго впадает в ярость. Страх, отчаяние, безысходность переплавляются в его душе, превращаясь в злобу и бессмысленную жестокость загнанной в угол крысы. Вытащив револьвер, Малыш гонит несчастного старика в сарай, время от времени подбадривая пинками и оплеухами. А, войдя внутрь, перехватывает кольт за ствол и рукояткой, как молотком, бьет мексиканца в лицо. Первый удар приходится в скулу, рассекая плоть до самой кости. Кровь, хлещущая из раны, заливает рубаху, рубиново красные капли орошают иссохшую землю. Старик падает на колени, но остается в сознании. Возможно, он молит своего убийцу о милосердии, возможно, старается защититься, прикрыв голову руками. Но, опьяненный видом крови, Ринго продолжает наносить удары. Бум! Бум! Бум! Один из ударов ломает тонкую кость над ухом, и старик безжизненным кулем валится на землю. Малыш стоит над еще подрагивающим телом, шумно дыша и сжимая в руке револьвер. Немного успокоившись, он возвращает кольт в кобуру и озирается по сторонам. На глаза ему попадает обрывок старой веревки, удерживающий попереч-

ную жердь, преграждавшую выход из загона.

Ринго срывает его и, на всякий случай, связывает распластавшегося на земле мексиканца. Вспомнив про осторожность, заводит в сарай лошадь и привязывает к железному кольцу, рядом со стоящим на цепи мулом. Снимает седло, какое то время держит его в руках, а потом в ярости швыряет на пол. Затем выходит наружу. Окинув настороженным взглядом уходящую вдаль дорогу, направляется в хижину. С аппетитом закусывает найденными в старой жестяной тарелке бобами. Еще раз осмотрев единственную комнату, замечает стоящую в дальнем углу бутыл, заботливо прикрытую старым, рваным мешком. Ознакомившись с содержимым, решает, что один стаканчик ему не повредит. Затем второй, чтоб расслабить натянутые как струны, нервы. Потом еще и еще...

Все это Клив видел четко и ясно, будто сам являлся третьим, незримым, участником событий. Догоревшая спичка обожгла пальцы, вырвав его из состояния странного оцепенения. Отбросив в сторону причудливо изогнутый уголек, Клив поднялся на ноги и оглядевшись, подобрал с пола толстую, не менее восьми футов в длину, жердь, еще две вырвал из боковой стенки загона. Снял со стены упряжь, справедливо посчитав, что ни мулу, ни его хозяину она больше не пригодится, и быстрым шагом вышел из сарая.

Разложив добытое на залитом лунным светом дворе, он извлек из кармана куртки кисет и коричневую, похожую

на кривой палец, сигару. Сигара была пересушена, хрупкий табачный лист кое-где отслоился и выкрошился, оставив на ровной поверхности большие, неправильной формы, проплешины. Зажав ее зубами, Клив зажег спичку о подошву левого сапога и поднес пляшущий огонек к обтрепанному краю свернутого табачного листа. Какое то время он курил, задумчиво глядя перед собой, то поднимаясь на мыски сапог, то плавно перекатываясь на каблуки.

Закончив мастерить волокушу, Клив отступил на несколько шагов, с явным удовольствием осматривая плод своих стараний. Основу конструкции составляли две длинные, прочные жерди, каждая из которых легко должна выдержать вес Малыша. Между ними, через равные промежутки, примотаны четыре поперечины, делая волокушу похожей на лестницу, как ее мог бы нарисовать ребенок. Еще раз проверив узлы, охотник удовлетворенно кивнул и зашагал в направлении кукурузного поля.

Вернулся он минут через двадцать, ведя за собой невысокого гнедого коня. Перебросив поводья через рожок коричневого, богато украшенного тиснением, мексиканского седла, Клив занялся крепежом волокуши. Просунув концы длинных жердей в широкие медные кольца, связал их куском ремня, отрезанного от принесенной из сарая упряжи. Налег на жерди всем весом, проверяя надежность узлов. Гнедой, до этого момента стоявший совершенно неподвижно, вдруг громко фыркнул, и опустив голову, принялся лениво воро-

шить пыль подвижной верхней губой. Клив тепло улыбнулся и потрепал коня за густую черную гриву. Потом быстрым шагом пересек двор и исчез в дверном проеме хибары. Минут пять ничего не происходило, а затем, в темном прямоугольнике входа показалась спина Клива. Он двигался задом наперед, короткими рывками, волоча за собой все еще бесчувственное тело Бена Ринго. Каблуки щегольских туфель Малыша чертили на пыльной, желтой земле две длинные извилистые линии. Добравшись до пасшегося в пыли гнедого, Клив с усилием взгромоздил мирно посапывающего убийцу на волокушу и с тихим стоном распрямился, положив руки на ноющую от напряжения поясницу. Несмотря на свой малый рост Ринго весил фунтов двести, а то и все двести тридцать.

Передохнув несколько минут, Клив остатками упряжи надежно примотал безвольное тело Малыша к жердям и легко вскочил в седло. Взял повод в руку и, в последний раз оглянувшись на одиноко стоящую хижину, осторожно тронул каблуками лоснящиеся бока гнедого.

Глава 3. Казнь

Солнце едва показалось над бескрайней песчаной пустыней, раскинувшейся на восток от Хейвена, когда Клив въехал на главную улицу города. Гнедой мерно шагал мимо замерших в сонном оцепенении домов, направляясь к общественной конюшне, с пристроенной к ней небольшой кузницей. Над крышей кузницы уже курился легкий дымок, а в еще прохладном утреннем воздухе далеко разносились мелодичные удары металла о металл.

Клив остановил коня напротив длинной коновязи и приготовился ждать. Гнедой, понутив голову, мерно перебирал губами, с волокуши доносилось посапывание забывшегося глубоким сном Малыша. Через какое то время звуки ударов затихли, и в воздухе повисла настороженная тишина. Клив знал, что человек в кузне, приникнув к щелям меж досок, внимательно изучает странного незнакомца, замершего посреди улицы. Спустя несколько минут хлипкая дверь со скрипом отворилась, и на порог шагнул настоящий гигант в толстом кожаном переднике, простой холщовой рубахе и черных, засаленных до блеска, штанах. На ногах – рабочие ботинки, своим размером подходящие более слону, нежели человеку. «Никак не меньше шести футов и трех дюймов», – с легкой завистью отметил Клив. Его собственный рост не превышал пяти футов и четырех дюймов. Несколько

мгновений мужчина стоял на пороге, затем, слегка наклонив голову, шагнул навстречу Кливу. Круглое безбородое лицо, обильно перемазанное сажей, принадлежало юноше, почти мальчишке, от силы лет пятнадцати. Ко взмокшему лбу прилипли пряди светлых выющихся волос, широко распахнутые карие глаза не отрывались от ремингтона в кобуре из желтой промасленной кожи, висевшего у правого бедра Клива. Парень Пр ПППпнервно отер ладони о грязный, прожженный во многих местах передник, и с видимым усилием отведя взгляд от револьвера, посмотрел Кливу в лицо.

– Мистер? – голос юноши был чистым и звонким, а наметанное ухо распознало бы в нем легкие нотки страха.

– Шериф, – односложно ответил Клив, и коротким кивком указал на похрапывающего за спиной Малыша. Жерди волокуши были немного короче, чем следовало, и сейчас круглый череп Ринго украшал высокий головной убор из свежего конского навоза.

– Ооо... – из груди паренька вырвался восхищенный вздох. – Мистер, вы нашли Бена? Нашего Бена? – его взгляд, оторвавшись от содержимого волокуши, метнулся к листу желтой бумаги, приколоченному к косяку рядом с дверью. На секунду задержался на отпечатанном крупным шрифтом слове «УБИЙЦА», и вернулся к Кливу.

– Шериф, парень, мне нужен шериф. – эти слова Клив произнес медленно, едва ли не по слогам. – Хочу отдать ему вашего Бена, а взамен получить свои деньги.

– Но сэр, – удивленно вскинув белесые брови, произнес юноша, – шериф Паттерсон никогда не встает раньше полудня!

Клив молча смотрел в широко открытые глаза паренька. Секунду, две, три. Наконец тот отвел взгляд, уставившись на свои обожженные, испачканные углем руки.

– Да, сэр, я понял. Сейчас же пойду к шерифу. – и опрометью бросился вдоль главной улицы Хейвена. Клив приготовился ждать.

На сей раз, ожидание затянулось. Солнечный диск наполовину поднялся над горизонтом, и серость утренних сумерек сменилась ярким, чуть желтоватым светом приходящего дня. Над некоторыми домами уже курился легкий дымок, в одном или двух Клив краем глаза заметил приникшие к окнам бледные овалы лиц. Городок просыпался.

Ушедший в свои мысли Клив не сразу заметил появившиеся на все еще пустынной улице фигуры шагающих в его сторону мужчин. Солнечные лучи, бившие в спину, превращали их в темные силуэты из театра теней, не давая рассмотреть подробности. Но Клив и так знал, кто они. Высокий, на голову выше своего спутника, наверняка парнишка кузнец. Он отчаянно жестикулировал, то вырывался вперед, то отставливался, дожидаясь своего менее торопливого товарища. Вторая фигура принадлежала грузному мужчине в широкой шляпе с лихо заломленными полями. Он не спеша вышагивал по главной улице Хейвена, заложив большие пальцы рук

за оружейный пояс, отчего его силуэт напоминал пузатый пивной бочонок.

Шериф Паттерсон оказался пожилым, но вполне крепким мужчиной, с широкими плечами и объемным, выдающимся вперед животом. Пушистые, снежно белые усы создавали разительный контраст с кирпичного цвета кожей лица. Из-под нависших надбровных дуг подозрительно поблескивали маленькие серо-голубые глаза.

– Ты кто, парень? – шериф говорил медленно, невыразительно, сильно растягивая слова.

– Мистер Паттерсон, он Бена привез, я...

– Заткнись Нил, – оборвал парнишку шериф все тем же скучным, безразличным тоном. – Заткнись, и пошел вон.

Юноша обиженно взглянул на Паттерсона, перевел взгляд на Клива, словно ожидая, что тот отменит прозвучавший приказ. Затем, наклонив голову, скрылся в глубине кузни.

– Я жду, – произнес шериф, и, недобро прищурившись, положил ладонь на рукоять висевшего на бедре револьвера. Рука была толстой, с короткими, словно сардельки, пальцами.

Клив выдержал паузу, глядя прямо в глаза Паттерсона.

– Клив Бриннер, полномочный представитель закона в Техасе, Оклахоме и Нью-Мексико. Помощник федерального маршала на Индейских территориях.

– Окей, мистер Бриннер, я слышал о вас. – шериф убрал ладонь с рукояти револьвера. – Зачем пожаловали в Хейвен?

Клив молча кивнул, указывая на привязанного к волокуше Малыша Ринго. Тот заворочался, просыпаясь, головной убор из конского навоза частично осыпался, обнажая редкие черные волосы и розовую кожу, просвечивающую на месте зарождающейся лысины.

Шериф обошел все сидящего на коне Клива и внимательно вгляделся в лицо пленника. Затем, словно не узнав, полез во внутренний карман пиджака, с приколотой к лацкану серебряной звездой, и достал сложенный вчетверо ордер. Аккуратно развернув серый лист, внимательно изучил портрет Бена, то и дело переводя взгляд с рисунка на оригинал.

– Порядок есть порядок, – пожал плечами Паттерсон, заметив недоумевающий взгляд Клива – Подтверждаю, это Малыш Ринго. – и прокричал в сторону кузни – Нил, мой мальчик, подойди.

Молодой гигант появился на пороге, едва шериф закончил предложение.

– Да, мистер Паттерсон.

– Отвяжи этого сукина сына, и отнеси в мой офис. Дверь не заперта. – и, обернувшись к Кливу, приглашающе взмахнул рукой. – О лошади не беспокойтесь, малец о нем позаботится.

Клив спешил, ощутив слабое покалывание в затекших ногах, и, оглянувшись на широкие ворота конюшни, увидел мальчонку лет десяти с интересом наблюдавшего за разворачивающимся на улице действием.

– Младший брат Нила, – пояснил шериф, – надежный малый, все сделает в лучшем виде.

В это время Нил подошел к волокуше и внимательно осмотрел потертые ремни, которыми Бен Ринго был притянут к жердям. Затем одним неуловимо быстрым движением извлек из-под фартука большой самодельный нож. Широкое лезвие было темным, местами покрытым бурыми пятнами ржавчины, но режущая кромка сияла ярким, незамутненным блеском хорошо заточенной стали. Начавший приходить в себя Бен невнятно забормотал.

– Нил, дружище, привет! Черт, голова то как болит. – но, заметив отрешенный взгляд юноши и сверкнувший в руке нож, истошно заверещал

– Нет, Нил, нет! Не делай этого, он сам виноват. Он сжульничал, точно знаю!

Не говоря ни слова, парень склонился над спеленатым, словно младенец Малышом, несколькими взмахами ножа освободил его от стягивающих тело ремней, не тронув, впрочем, путы на руках и лодыжках Ринго. После, примерившись, одним ловким движением закинул Бена на плечо и зашагал вдоль по улице, в направлении офиса шерифа.

Клив и Паттерсон молча проводили юношу взглядами, и, не говоря ни слова, последовали за ним.

Офис шерифа представлял собой широкое двухэтажное строение, расположенное на главной улице Хейвена, между салуном «Сакраменто» и зданием почты. Дверь открывалась

в большую, во весь этаж, комнату с тремя толстыми опорными столбами, поддерживающими потолок. Справа у стены стоял старинный, с тяжелой столешницей, стол, а за ним широкое деревянное кресло. Чуть дальше на стене виднелась оружейная стойка. В ней, угрожающе поблескивая воронением стволов, выстроились в ряд несколько винтовок и пара дробовиков с короткими, наверняка обрезанными, стволами. В лучах света, падавшего из пробитых по обе стороны двери окон, плясали пылинки, напоминая клубящуюся над лесной поляной мошкарку. В дальнем конце комнаты виднелась крутая деревянная лестница, ведущая на второй этаж. Рядом примостилась железная печка и трехногий столик, украшенный спиртовкой с закопченным жестяным кофейником. Там же, в углу, стояло несколько простых деревянных стульев. Вся левая часть была отгорожена металлическими решетками, образуя две длинные камеры, по выходным наверняка битком набитые перебравшими виски ковбоями. В одной из них сейчас и находился Бен Ринго. Он сидел на узкой скамье у стены, яростно растирая затекшие кисти рук и лодыжки. А напротив, привалившись плечом к среднему из опорных столбов, стоял Нил, сверля Малыша недобрым взглядом.

С трудом протиснувшись в узкую дверь, шериф Паттерсон подошел к столу и, склонившись над ним, принялся рыться в выдвижном ящике. Наконец обнаружив искомое, с шумом захлопнул ящик и выпрямился. В его руке позвякивало

большое металлическое кольцо с тремя длинными ключами. Подойдя к двери камеры, он выбрал один из ключей, и, вставив в замочную скважину, резко провернул. Раздался звонкий щелчок, после чего Ринго оказался надежно запертым за толстой металлической решеткой.

– Нил, мальчик мой, ты можешь идти. Обойди горожан, скажи, что мы вздернем убийцу ровно в полдень, на городской площади. И разбуди парней, они понадобятся мне после церковной службы, – шериф указал на дверь, жестом поторапливая паренька.

Юноша оторвался от столба, и, не оглядываясь, вышел на улицу.

– Мистер Паттерсон, – нарушил тишину Клив, – прежде, чем вы повесите этого человека, я хочу получить свои деньги. Двести полновесных монет, как и указано в ордере.

– Не волнуйтесь, мистер Бриннер, – шериф успокаивающе поднял ладони. – Вы получите все, вам причитающееся до последнего пенни. Я не держу деньги в офисе, городскими средствами ведаёт мэр. Он уже на пути сюда. Встал с постели пораньше, чтоб уладить все вопросы. – шериф заговорщически подмигнул Кливу, словно предлагая оценить хорошую шутку. – Ну да, сэр, сам мэр, да в такую рань.

Клив мрачно кивнул. Он рассчитывал убраться из города самое позднее через час, но становилось ясно, что отъезд откладывается. Шериф собрался было что-то добавить, но тут повисшую в комнате тишину разорвал пронзитель-

ный, на грани визга, крик.

– Шериф, мистер Паттерсон! Вы не можете меня повесить просто так! Меня должны судить, судить в Остине. Я докажу, что этот сукин сын смошенничал. Я просто воздал ему по заслугам! По его вшивым заслугам! Это его должны были повесить, видит Бог, его, не меня! – крик прервался, сменившись сдавленными рыданиями. Так плачет маленький сорванец, залезший без спросу в банку с вареньем и отведавший розог.

Шериф молча дождался, пока стихнут завывания Ринго, и продолжил мысль.

– Мистер Бриннер, позвольте вам предложить кружку кофе. Сдается мне, вы провели бессонную ночь и не против слегка взбодриться.

Клив был не против. Он молча кивнул головой, и шериф, захватив со стола две большие железные кружки, направился к кофейнику.

Мэр Хейвена, мистер Льюис, появился в дверях в тот момент, когда Клив и Паттерсон, прикончив по второй кружке кофе, раздумывали, не приступить ли к третьей. Это был элегантный пожилой джентльмен с лицом английского аристократа. Впалые щеки чисто выбриты, над верхней губой красовалась аккуратно подстриженная щеточка усов. Подбородок мэра украшала ухоженная эспаньолка, в правом глазу поблескивал монокль в золотой оправе. Весил он не более ста тридцати фунтов, а элегантный темный костюм из шер-

стояной ткани только подчеркивал чрезвычайную худобу мистера Льюиса.

Окинув быстрым взглядом помещение, мэр, растянув губы в радушной улыбке, шагнул к столу. Шериф отставил в сторону пустую кружку, и поднялся навстречу, Клив ограничился сдержанным кивком.

– Доброе утро, джентльмены! – мягкий, хорошо поставленный голос мэра выражал искреннюю радость. – Мистер Паттерсон, мистер... – он на мгновение запнулся, переведя взгляд с Бриннера на шерифа.

– Клив Бриннер, законник, – пришел тот на выручку своему патрону.

– Мистер Бриннер, – продолжил мэр, протягивая Кливу ладонь. – Позвольте представиться, Генри Аллан Льюис. Весьма рад.

Клив пожал сухую, похожую на птичью лапку, руку мэра.

– Жаль только, что поводом к нашей встрече послужило столь прискорбное событие, – мистер Льюис развернулся на каблуках к камере, где уронив голову на руки, сидел Малыш Ринго. На мгновение Клив подумал, что мэр прочтет убийце душеспасительную проповедь, но тот, с интересом оглядев впавшего в ступор преступника, вновь повернулся к столу.

– Теперь о делах, – мистер Льюис брезгливо смахнул ладоншкой пыль с одного из стоящих перед столом стульев, и, аккуратно подтянув дорогую ткань брюк, уложил тощий зад

на твердом деревянном сидении. — Мы в Хейвене уважаем закон и не любим оставаться в долгу.

С этими словами он запустил руку за отворот пиджака. Извлек толстую пачку бумажных долларов. Многие купюры были старыми и потрепанными, а некоторые выглядели так, словно их неоднократно использовали при посещении отхожего места. Из другого кармана мэра достал небольшой кожаный мешочек, распустив завязки, высыпал на стол пригоршню серебряных монет.

— Ваши двести долларов, мистер Бриннер. Признаюсь, сначала я подумывал выписать вам вексель, — хитрая улыбка изогнула тонкие губы мэра, говоря о том, что это всего лишь шутка. — Но вовремя вспомнил, что ваш род занятий не предполагает частого посещения банков.

Клив неопределенно хмыкнул, и, не пересчитывая, смел деньги в небольшую кожаную сумку, висевшую на поясе.

— А теперь, когда наши дела улажены, предлагаю отдать должное легкому завтраку, приготовленному моей кухаркой, — произнес мистер Льюис, и немного возвысив голос, позвал — Китти! Мы ждем.

Дверь тихо скрипнула, на пороге появилась невысокая черноволосая девушка, одетая в светлую полотняную блузу и широкую черную юбку. В руках она держала большую плетеную корзину, прикрытую сверху куском белой ткани. От корзины умопомрачительно пахло свежезажаренной курицей и только что испеченным кукурузным хлебом. А под

тканью угадывался соблазнительный абрис бутылки.

Бурбон разливали в кофейные кружки, закусывая сочными кусками курицы, уложенными на толстые ломти сладкого, желтого хлеба. Мэр Льюис довольно крякал, отправляя в глотку очередную порцию спиртного, на бледных щеках заиграл румянец. Шериф, прикладываясь к кружке, утирал белоснежные усы, и заглатывал куски хлеба и курицы с жадностью изголодавшегося койота. Клив ел аккуратно, откусывая небольшие кусочки от самодельного сэндвича. Бурбон, на проверку оказавшийся превосходным, слегка кружил голову и приятной истомой растекался по натруженным мышцам.

– Послушайте, Клив, – шериф натужным глотком отправил очередной кусок курицы в желудок, освобождая рот, – а как вы узнали о нашей маленькой неприятности? В смысле, так быстро узнали? Мы, конечно, телеграфировали в Остин, но навряд ли вы дожидались ордера в почтовой конторе.

Выпивка и сытный завтрак настроили Бриннера на добродушный лад, и он решил не обращать внимания на легкую фамильярность Паттерсона.

– Я не был в Остине.

– Так как же? – шериф подался вперед, стремясь не упустить ни одной подробности. Мэр отставил в сторону кружку, и уставился на Клива с нескрываемым любопытством.

– Действительно, как? Раньше мне эта мысль не приходила в голову, но теперь... – он выдержал многозначительную

паузу.

– Никакой тайны, джентльмены. – Клив откинулся на стуле, заложив ногу за ногу. – Я был в окрестностях Дриппинг Спрингс, когда повстречал ковбоев, направляющихся на ранчо Моргана, недалеко от Сайпрес Милл. У одного из них обнаружилось это, – он полез в карман куртки и извлек сложенный вчетверо лист бумаги, точно такой же, как был у шерифа. – И подпись судьи, вероятно, ваша, – Клив перевел взгляд на мэра, потом опять на лист бумаги. – Генри Аллан Льюис. Подпись.

– Да, мистер Бриннер, вы абсолютно правы. Уже десять лет, как жители Хейвена поручили мне охранять их законные права от посягательств всякого рода ублюдков, – мэр с достоинством выпятил хилую грудь. – И я, смею вас заверить, ни разу их не разочаровал.

– Не сомневаюсь. – кивнул головой Клив. – Давайте поговорим об ублюдках. Мистер Льюис, вам знакома небольшая ферма, примерно в шести милях к востоку от города?

– Нет. Никогда не бывал в тех краях. – Мэр недоуменно посмотрел на Паттерсона, словно в поисках поддержки. Клив перевел взгляд на шерифа. Тот помолчал, словно вспоминая, облизнул губы и заговорил.

– Знакома. Только это не ферма, а так, хижина при кукурузном поле. Хозяин – старик Хуарес. Мексиканец. Я был там лет пять или шесть назад. Тогда ребята Пинкертона преследовали банду Головореза Дугласа. Грабителя дилижан-

сов. Они пристрелили курьера «Пони Экспресс», – добавил он, глядя на мэра. – Вы должны помнить.

– Точно, точно, – обрадовано закивал головой мистер Льюис. Детективы из агентства две ночи провели в городе, развлекались с девочками из «Сакраменто», – и, разом посерьезнев, обернулся к Кливу. – Так что он натворил?

– Он умер, – коротко ответил Клив. – Вернее, убит.

Шериф и мэр недоуменно переглянулись. – Мистер Бриннер, вы вероятно ошиблись. Кому могло понадобиться убивать...

– Ему, – прервал говорившего Клив и кивнул в сторону камеры.

– Нет! – комнату потряс вопль, полный отчаяния и боли. Бен Ринго, сидевший до этих слов на длинной лавке в углу камеры, вскочил на ноги и бросился к решетке. – Я его не убивал! Я ничего не помню. Господи, это не я! – он вцепился в прутья маленькими толстыми ручками и затряс их с невероятной силой. Казалось, еще немного, и стальные прутья согнутся, как гнется трава под напором сильного ветра. К счастью, решетка была рассчитана на ковбоев, ребят куда более сильных, чем Малыш Ринго. – Мистер Льюис, я не убивал старика! Я его даже не видел!

Постепенно крики затихли, превратившись в невнятное бормотание. Ноги Малыша ослабели, и он опустился на колени, все еще держась за решетку.

– Я нашел старика в сарае, – дождавшись наступления

тишины, продолжил Клив. – Со связанными руками и проломленным черепом. Там же был скот мексиканца и лошадь Ринго. Все умерли от жажды. Ублюдок так напился, что забыл о собственной лошади! – казалось, последнее возмутило Бриннера много больше, чем убийство беззащитного старика. – Сэр, вы пошлете похоронную команду? – спросил он, глядя в глаза Льюису.

– Формально, ферма этого Хуареса не относится к юрисдикции города. Следовательно, я не могу хоронить старика за городские деньги, – мэр на секунду задумался, затем продолжил, – Но если удастся доказать, что мексиканца убил Ринго...

– Я нашел оружие. Это револьвер Малыша, на нем волосы и кровь жертвы, – быстро произнес Клив.

– Да? И где же оно? – мэр заинтересованно взглянул на Бриннера.

– В моей седельной сумке. Правой, – уточнил тот. – Надеюсь, парнишка, что увел коня, не совал свой нос в мои вещи? – Клив вопросительно взглянул на шерифа.

– Нет, никак не возможно. Мальчик шустрый и смывленный не по годам, но воспитанный в страхе Божьем. Такой нипочем не станет шарить в чужих карманах. И в сумках тоже. – Паттерсон тяжело поднялся на ноги. – Давайте посмотрим на револьвер, джентльмены.

За револьвером пошли двое. Клив в качестве владельца седельной сумки и шериф Паттерсон, как представитель

закона в Хейвене. Мистер Льюис остался в офисе, наедине с кофейной кружкой, в которой плескался превосходный бурбон. Напиток, до которого он был весьма и весьма охоч. Так, по крайней мере, подумал Клив, когда мэр произнес небольшую, но пламенную речь о полной невозможности оставить столь опасного преступника, как Бен Ринго, пусть и запертого в камере, без охраны. Даже, на несколько минут. Сам Малыш, частично придя в себя, уже отпустил решетку, медленно перебрался обратно на скамью, где застыл, поджав ноги и обхватив колени руками. Лбом он уперся в скрещенные предплечья, демонстрируя своему добровольному тюремщику розовую тонзуру ранней лысины в обрамлении слипшихся от навоза редких волос. Пахло от него, должно быть, преотвратно.

Первым порог офиса перешагнул Паттерсон. Револьвер Малыша, кольт тридцать шестого калибра, шериф держал в левой руке, нанизав предохранительную скобу, защищавшую спусковой крючок, на толстый, выставленный вперед указательный палец. Следом вошел Клив. Он сразу отметил существенно понизившийся уровень янтарной жидкости в стоявшей на столе бутылке, так, словно в их отсутствие Генри Аллан Льюис опрокинул то ли три, то ли четыре порции виски. Но старик мэр держался неплохо. Он сидел развалясь, закинув ногу на ногу, и сосредоточенно шевелил губами, возможно, проговаривая в уме формулу обвинения. Обернувшись на звук открываемой двери, он подался впе-

ред.

– Так, так, так. Что тут у нас?

Шериф молча пересек комнату и, подходя к столу, протянул руку так, что указательный палец с болтавшимся на нем револьвером застыл в паре дюймов от лица мэра. Тот с неподдельным интересом смотрел на оружие двойного убийства. Затем, словно заметив нечто важное, аккуратно снял револьвер с импровизированного крючка. Придерживая оружие за ствол и курок, поднялся на ноги, и сделал несколько шагов по направлению к окну. Присмотрелся, поднеся кольт к лицу, как это делают очень близорукие люди, и, вскинув глаза на Клива, спросил:

– На рукояти кровь старика?

Клив молча кивнул. Льюис подошел к столу и осторожно, словно револьвер был сделан из тончайшего фарфора, положил оружие на стол, затем повернулся к стоящему за спиной Кливу.

– Мистер Бриннер, – голос его звучал твердо, темные глаза буравили лицо Клива, – у меня к вам предложение. Вы остаетесь на казнь в качестве свидетеля обвинения, а я завтра же отправлю парочку крепких парней в лачугу Хуареса. Они похоронят старика. Вы согласны?

Клив кивнул.

– Хорошо, я задержусь. Ворота сарая закрыты, так что койоты вряд ли доберутся до тела.

Мэр согласно махнул рукой и уже открыл рот, собираясь

что то добавить, когда за окнами раздались звонкие удары церковного колокола.

– Одиннадцать, – произнес шериф Паттерсон. И взглянув на скорчившегося в углу Ринго, тихо прибавил, – Скоро в путь.

Клив успел сварить себе кофе и приготовился раскурить только что свернутую самокрутку, как дверь с грохотом распахнулась, а в помещение ввалились два молодчика, самой что ни на есть, бандитской наружности. Грубые обветренные лица покрывала недельная щетина, длинные волосы под серыми от въевшейся пыли шляпами сбились в колтуны. Из-под грязных плащей виднелись рукояти больших револьверов. Две пары красных, словно с перепоя, глаз, подозрительно уставились на Клива.

– Мистер Бриннер, позвольте представить моих помощников, – произнес шериф. – Тот, что побольше, Дуглас О'Брайан. Второго зовут Марлин Девро. Оба провели две недели, выслеживая шайку скотокрадов на ранчо «М&W», так что выглядят они не очень.

Клив мысленно выругался и незаметно убрал руку от рукояти ремингтона. «Нервы ни к черту», – с досадой подумал он.

Шериф Паттерсон, покончив с любезностями, инструктировал своих депюти, в изобилии используя определения «сукин сын», «ублюдок» и «кусок дерьма». Бриннер с легким удивлением смотрел на совещающуюся троицу. До это-

го момента речь шерифа, хоть и не изобиловала мудреными словечками, но звучала вполне прилично даже для уха методистского священника. Отчаявшись разобраться в причинах такой неожиданной метаморфозы, он безразлично пожал плечами и принялся смотреть в окно.

Главная улица Хейвена, такая пустынная еще несколько часов назад, заполнилась людьми. Почтенные матроны в строгих капорах и длинных закрытых платьях, неспешно проплывали мимо окон городской кутузки в сопровождении чисто выбритых кавалеров, щеголяющих модными шляпами-котелками, выходными пиджаками и белыми рубашками с высокими, накрахмаленными воротничками. Весело щебеча и шурша кринолинами, появилась и пропала стайка девиц из салуна. Их лица покрывал густой слой румян, на взбитых волосах чудом держались легкомысленные атласные шляпки. Глаза горели, ярко накрашенные губы то и дело растягивались в улыбках, более напоминавших звериный оскал. Убеленные сединами пожилые джентльмены, на ходу попыхивающие трубками и сигарами. Сбившиеся в тесную кучку ковбои в пыльной, потертой одежде. Наверняка не местные, работники одного из ранчо, быть может, того самого «М&W». Все они шли на площадь. Ведь сегодня особенный день, не правда ли? День казни.

Клив отвел взгляд от медленно текущей за окном человеческой реки и оглядел помещение. Мэр Льюис склонился над серым листом оберточной бумаги, сжимая в пальцах

тонкую палочку карандаша. Время от времени он подносил карандаш к листу, и тогда в тишине комнаты раздавался легкий скрип графитового стержня, бегущего по грубой, неровной поверхности. Кто знает, что он писал. Возможно, обвинительную речь, возможно, список вещей, что собирался прикупить в бакалейной лавке. После повешенья, разумеется. Шериф Паттерсон сидел в своем кресле, откинувшись на деревянную спинку и сплетя короткие пальцы на животе. Маленькие глазки, утопающие в окружавших их складках жира закрыты, менее искушенному наблюдателю могло показаться, что мужчину сморил сон. Дуглас и Марлин подпирали опорные столбы, не выказывая абсолютно никаких эмоций. Переведя взгляд на Ринго, Клив отметил, что теперь тот сидит, опершись спиной на деревянную стену и положив руки на колени. Точь в точь, как набожный прихожанин, что слушает рассказ о Страстях Христовых. Лицо Малыша было мертвенно бледным, широко раскрытые глаза казались бездонными ямами в обрамлении обвисшей, посеревшей кожи. Губы подрагивали, на лбу бисером выступил холодный пот. Он, вроде как похудел, грязная рубашка, прежде туго облегавшая выпирающий живот и жирные плечи, обвисла, словно надетая на деревянный каркас огородного пугала. Глаза, устремленные вдаль, безучастно смотрели прямо на пятерых мужчин, находившихся по другую сторону решетки. Но не видели их. Клив знал этот взгляд. Малыш Ринго смирился с ожидавшей его участью. Бывает, что

в преддверии смерти люди обретают поистине нечеловеческую силу. Одни, в ярости и отчаянии, бросаются на своих тюремщиков, вцепляясь скрюченными пальцами в глаза, ломая кости, вырывая зубами куски одежды и тел. Другие отказываются переступить порог камеры, держась за решетку с такой силой, что порой приходится ломать судорожно сжатые пальцы. Но с Малышом Ринго проблем не будет, это точно. Он смирился.

Звонящую тишину нарушили удары церковного колокола. Бамммм! Бамммм! звонко разнеслось по округе. Паттерсон открыл глаза, абсолютно ясные, без признаков дремы, и взглянул на корпевшего над листом Льюиса. Тот отложил карандаш, откинулся на спинку стула и извлек из жилетного кармана золотой хронометр. Откинул крышку. В окружающей тишине Клив ясно услышал щелчок крохотного замочка. Вглядевшись в циферблат, мэр захлопнул крышку, вернул часы на место и тихо произнес:

– Пора.

Шериф медленно поднялся, обошел стол, по пути прихватив лежащее на столешнице кольцо с ключами, и направился к камере. О'Брайан и Девро двинулись за ним, занимая позиции справа и слева от двери камеры. Паттерсон вставил ключ в замочную скважину и с громким, металлическим щелчком отпер замок. Распахнув дверь, он отступил назад, пропуская внутрь сначала Дугласа, а потом и Марлина. Помощники шерифа приблизились к сидящему на скамье Ринго. Помедлив

пару мгновений, аккуратно подхватили Малыша подмышки и одним плавным движением поставили на ноги. Тот не сопротивлялся.

Выйдя за порог офиса, они построились в некое подобие колонны, где каждому отведено его собственное, строго определенное место. Впереди, ровно по центру улицы, гордо выпятив грудь, шествовал мэр Хейвена и городской судья Генри Аллан Льюис. Монокль грозно сверкал в лучах полуденного солнца, выражение худого, со впалыми щеками, лица было одновременно торжественным и растерянным. Видно сразу, эта роль ему непривычна и не очень то приятна. В тот момент Клив подумал, что в Хейвене, маленьком добропорядочном городке, не так уж и часто вешают людей за шею. В десяти футах за мэром, О'Брайан и Девро вели Бена Ринго. Малыш шел медленно, усталой, шаркающей походкой. Каждый его шаг поднимал в горячий, неподвижный воздух небольшие облачка тонкой, желтой пыли. Создавалось впечатление, что идущие по бокам помощники шерифа заботливо поддерживают под руки тяжело больного, но любимого родственника. Выпусти они его, и он тут же упадет на каменно твердую землю.

В пяти футах позади Ринго важно вышагивал шериф Паттерсон. Белоснежные усы топорщились, маленькие глазки грозно сверкали. Ладонь правой руки он положил на потертую рукоять смит энд вессона сорок четвертого калибра, готовый в любой момент изрешетить преступника тяжелыми

свинцовыми пулями, решишь тот на побег.

Не найдя своего места в колонне, Клив пристроился в хвост процессии и теперь мерно шагал, не увеличивая и не сокращая расстояние между собой и широкой спиной идущего впереди шерифа.

Улица была пуста. Лишь несколько городских мальчишек с восхищением пялились на медленно бредущего Бена Ринго, удобно устроившись на деревянных ступеньках цирюльни «У Джонни». Клив заметил, как ярко горят их глаза, заметил приоткрытые от удивления рты. Кого они видели в маленьком человечке с серой обвисшей кожей и редкими, прилипшими к потному лбу, волосами? Благородного разбойника Джесси Джеймса? Или, быть может, самого Билли Кида? И когда в его, Клива, руки, попадет лист дешевой серой бумаги со зловещей надписью «ЖИВЫМ ИЛИ МЕРТВЫМ» и слегка повзрослевшим лицом одного из тех сорванцов, что сидят на ступеньках? Клив искренне надеялся, что никогда.

Ярдах в трехстах впереди, в самом конце улицы, виднелось одноэтажное здание методистской церкви. А перед ним, на небольшой городской площади, бурлила толпа. Острые глаза Клива различали пестрые платья салунных проституток, сюртуки и трости почтенных отцов семейств, выгоревшие на солнце сомбреро ковбоев. Видел Клив и главную достопримечательность этой небольшой площади. Нет, не церковь с высокой башней колокольни, такие есть в любом городе. Виселицу. Приподнятый над землей деревянный по-

мост, с ведущей к нему широкой, сколоченной из толстых досок, лестницей. И П-образная конструкция из отборного бруса. Два опорных столба возвышались над помостом на добрые двадцать футов и венчались поперечной перекладиной в пятнадцать футов длиной. Добротная виселица, найти такую удастся только в Пограничье. Да и там далеко не везде. Зато на ней можно отправлять плясать чечетку двоих, а в хорошие дни, и троих, плохих парней за раз. На шайке из шести скотокрадов получается неплохая экономия времени.

По мере приближения Клив различал все новые детали. Он уже видел покачивающуюся на перекладине петлю и стоящую под ней колоду. Неожиданно толпа всколыхнулась и раздалась, а на помост взошел высокий человек в длинной черной сутане. В лучах полуденного солнца блеснули стекла пенсне в проволочной оправе. Священник. До ушей доносился низкий рокот голосов, время от времени прерываемый взрывами визгливого хохота.

Звуки голосов смолкли, и над городской площадью повисла тишина. Плотная, осязаемая, такую тишину можно резать ножом, словно воскресный пирог с начинкой из сладкой патоки. Сотни глаз, не отрываясь, глядели на шестерых неспешно шагающих мужчин. Затем, с тихим шорохом, толпа раздалась, открывая проход к широким деревянным ступеням, ведущим на помост виселицы. Мэр Льюис уже ступил на первую из них и стук его каблуков глухими удара-

ми разносился в раскаленном, неподвижном воздухе. Бен Ринго впервые поднял глаза от носков своих туфель, окинул взглядом окружавшую его толпу, ступени, ведущие на эшафот, и силы внезапно оставили его. Лицо Малыша исказилось, на нем читался дикий, первобытный страх смерти. Ноги убийцы подкосились, и он мешком повис на руках поддерживающих его конвоиров. О'Брайан и Девро на мгновение замешкались, удобнее перехватив полубесчувственное тело, а затем быстро, почти бегом, втащили его на помост. Упавшая на грудь голова Малыша моталась из стороны в сторону, как у дешевой тряпичной куклы, каблуки его лаковых туфель гулко стучали по широким деревянным ступеням. Клив на минуту помедлил, пропуская шерифа вперед, а когда поднялся следом, то увидел стоящего рядом с Ринго священника. Падре тихо шептал, склонившись к самому уху Малыша, отеческим жестом обняв его за плечи. Малыш слушал молча, вперив взгляд в доски помоста, и изредка кивал, словно соглашаясь с услышанным. Лишь однажды он поднял голову и посмотрел вверх, где в восьми футах над землей, едва заметно покачивалась толстая пеньковая веревка, оканчивающаяся широкой петлей. Посмотрел, и тут же отвел взгляд, снова уставившись на носки своих туфель. Клив повернулся к преступнику спиной и остановился, глядя на колышущуюся у его ног толпу.

Всего в нескольких футах от помоста толпа слегка раздалась, образовав свободное от человеческих тел простран-

ство. В нем, словно одинокая скала, стояла высокая, худая, как палка, женщина, в простом сером платье и старом, потрепанном капоре, прихваченным под подбородком линялым черным платком. Выпуклый лоб, аккуратный, чуть вздернутый нос, толстая коса каштановых, уже тронутых сединой, но по-прежнему густых волос. «Черт подери, лет пятнадцать назад ее можно было назвать хорошенькой», – подумал про себя Клив. Теперь же, пухлые когда-то щеки запали, губы высохли, превратившись в тонкие нити, кожа обветрилась и огрубела. Рядом с женщиной, держась за подол платья, стояли две девочки, пяти и восьми лет. Во вьющихся темно русых волосах малышей Клив заметил две тонкие черные ленты. Женщина стояла неподвижно, не отрывая от Малыша горящих ненавистью, ярко синих глаз. «Вдова», – понял Клив и отвел взгляд, не в силах видеть ее искаженное страданием лицо.

Процесс над обвиняемым не занял много времени. Не удивительно, ведь свидетелей было человек двадцать, включая самого мэра Льюиса. Со смертью старика Хуареса тоже не возникло проблем. Клива привели к присяге, и он кратко, но весьма убедительно рассказал обо всем, что видел в хижине и сарае у маленького кукурузного поля. А в подтверждение его слов шериф поднял над головой револьвер тридцать шестого калибра с окровавленной рукояткой из слоновой кости, на которую налипли волосы старого мексиканца.

Своей вины Малыш не отрицал. Он все так же стоял, безучастно уставившись на доски помоста, поддерживаемый под руки помощниками Паттерсона. На вопросы судьи и шерифа отвечал короткими кивками, иногда невпопад, но вряд ли кто обращал на это внимание. Вердикт суда «Виновен!», Генри Аллан Льюис, мэр, а теперь и судья, огласил громким, хорошо поставленным голосом. Толпа ответила криками и рукоплесканием.

И вновь Клив стоял на помосте, заложив руки за серебряную пряжку широкого оружейного пояса, всматриваясь в обращенные к нему лица. Салунные проститутки, а некоторые из них были еще молоды и весьма хороши собой, бросали на него призывные взгляды, словно обещая награду сверх той, что уже лежала в кожаной сумке. Мальчишки в чистых рубашках и пиджачках, тщательно вымытые и аккуратно причесанные, таращились на него с неприкрытым восхищением. Кто знает, что творилось в их юных умах? Но звездой сегодняшнего спектакля был, все же не он. Бен Ринго, спешите видеть! Только сегодня, только у нас! Толпа пожирала взглядами маленького человечка со слипшимися волосами, в мокрой от пота грязной рубашке и черных, на тесьмяных подтяжках, штанах. Их глаза не отрывались от серого, с громадными темными мешками, лица, губы змеились в глумливых улыбках. «Сейчас, сейчас ты получишь свое, проклятый убийца!» Он почти слышал эти безмолвные крики, готовые сорваться с губ. Клив отвернулся.

Бен Ринго стоял под свисающей с перекладины пеньковой петлей. Стоял сам, безвольно опустив руки и чуть покачиваясь на ослабевших, подрагивающих ногах. Священник что-то тихо говорил, склонившись к самому уху Малыша, иногда заглядывая в маленькую черную книжку, что держал в левой руке. Бескровные губы убийцы шевелились, повторяя слова молитвы. Вскоре они закончили. Священник в последний раз прикоснулся к руке Малыша, чуть сжал пальцы, на лице его читалась печаль. Он отступил в сторону, и кивнул головой, показывая, что его дела завершены.

О «Брайан и Девро шагнули к Ринго. В руках Дугласа покачивался старый кожаный ремень с медной пряжкой, Марлин держал потрепанный обрезок веревки. Ловко обойдя Малыша со спины, он быстро связал ему руки, а Дуглас стянул ремнем лодыжки. Затем, подхватив под локти, они поставили Ринго на высокую, фута два, не меньше, колоду. Малыш покачнулся, теряя равновесие, но Девро придержал его за ногу, не давая упасть. Немного замешкались, опуская петлю. Уж очень маленьким человеком был Бен Ринго. Привстав на мыски, Дуглас О'Брайан накинуд петлю, приладив скользящий узел на затылке Малыша. Клив поморщился. Он видел немало повешений и знал, как долго может душить преступника надетая таким образом петля. «Умереть быстро Бену Ринго не суждено», – подумал тогда законник.

Малыш стоял на колоде, едва удерживая равновесие, и уже ощущал кожей колющее прикосновение веревки. Его

губы дрожали, из глаз текли слезы. Крупные капли медленно стекали по запавшим щекам на подбородок и падали на грудь, где терялись среди пятен грязи, пота и крови. В глазах, обращенных к толпе, читались страх и мольба. Клив отвел взгляд. Он часто видел такие лица. Испуганные, жалкие, непонимающие. Лица мужчин, а иногда, и женщин, по чьей-то неведомой воле творивших ужасные вещи. «Мы не в силах убить то, что вселяется в них. Что-то темное, злое. Что заставляет людей совершать очень, очень плохие поступки. А потом исчезает без следа, оставляя их один на один с толстой веревочной петлей. И мы убиваем тело, но не само зло.» – сказал когда-то священник одного маленького городка. Сказал, печально глядя, как «танцуют чечетку» тела трех скотокрадов, грабителей и убийц. Старшему из которых едва исполнилось восемнадцать. И Клив, привезший на казнь преступников, лишь молча кивнул головой.

Доски настила закрипели под тяжелыми шагами. Голос шерифа Паттерсона звучал громко и внятно, слова падали в тишину, как падают тяжелые камни на зеркальную гладь озера.

– Вы будете повешены за шею, пока не умрете. Ваше тело останется в петле до завтрашнего полудня, а затем будет зарыто под оградой городского кладбища, где и надлежит быть преступникам и убийцам. Бен Адамс Ринго, вам понятен приговор? – шериф замолчал, словно действительно ожидал ответа. Затем взмахнул рукой, подавая сигнал.

Дуглас О'Брайан толкнул сапогом колоду, лишая Малыша опоры. Тот изогнулся, словно выпрыгнувшая из воды рыба, пытаясь еще один, пусть краткий миг устоять на уже накренившейся деревянной колоде. Мгновение спустя, она с грохотом упала на бок, подпрыгнув на досках настила. Малыш рухнул в пустоту. Петля затянулась на шее, пережимая гортань, тело забилося, в тщетных попытках вырваться из удушающего захвата. В какой то миг Клив подумал, что веревка не выдержит судорог, с такой силой извивалось тело висящего на ней человека. Но, выдержала. С каждым движением петля все туже затягивалась вокруг коротенькой шеи, лицо Малыша покраснело, затем, полиловело. Глаза вывалились из орбит, белки покраснели от крови. Из рта вырывался сдавленный хрип, на губах пузырилась густая, белая пена.

Шериф Паттерсон застыл, с побелевшим от ужаса лицом, толпа подалась прочь от эшафота, тишину разорвал пронзительный женский крик.

– Кто-нибудь, прекратите это! – в голосе Генри Аллана Льюиса звучали истерические нотки, а сами слова тянулись, словно проигрывались теряющим завод граммофоном. Марлин Девро, стряхнув сковавшее тело оцепенение, шагнул было вперед, но тут ноги Малыша, быющегося, как вытащенная из воды рыба, разорвали стягивающий лодыжки ремень. Была ли тому виной погнутая медная пряжка, или старая истертая кожа не выдержала конвульсий умирающего человека, кто знает? Но, когда Девро приблизился к быющемуся в петле

Ринго, правая нога Малыша распрямилась, и носок исцарапанной лаковой туфли с хрустом ударил помощника шерифа прямо под щетинистый подбородок. Марлин рухнул на помост, заливая светлые доски хлынувшей изо рта кровью.

Теперь кричали все. Несколько женщин без чувств лежали на пыльной земле, а празднично одетые мужчины, еще недавно такие галантные и обходительные, безжалостно топтали тела, пробивая себе дорогу прочь от эшафота. Раздался выстрел, затем, другой, в мешанине людских тел отчаянно закричал ребенок. Лишь женщина в сером платье, по-прежнему, неподвижная, наблюдала за мучениями Бена Ринго. Гримаса злобного удовлетворения искажила когда-то красивое лицо, превратив в уродливейшую из ведьм.

Клив бросился к пляшущему в петле человеку. Оттолкнувшись от слегка пружинящих досок помоста, он высоко прыгнул и повис на плечах Ринго, словно желая сдернуть его на землю. Раздался отчетливый хруст. Петля с силой впилась в кожу и шея Малыша не выдержала. Позвоночник сухо треснул, крепко сжатые челюсти разжались, наружу вывалился распухший, синий язык. С громким, похожим на треск разрываемой ткани, звуком, опорожнился кишечник. На черных, с тесмяными подтяжками, штанах появилось, быстро увеличиваясь в размерах, мокрое, резко пахнущее мочой, пятно. Малыш Бен Ринго наконец умер.

Клив Бриннер покинул город вскоре после казни. Гнедой, накормленный и отдохнувший, встретил его тихим ржани-

ем, ткнулся губами в рукав короткой кожаной куртки, требуя внимания. Клив ласково потрепал коня по густой, тщательно вычесанной гриве. Бросив мальчишке четвертак, он легко вскочил в седло, тронул каблуками бока и, не оглядываясь, двинулся по главной улице Хейвена к дороге, ведущей на восток.

Глава 4. Парни Финнигана

Большой Джордж стоял в густом кустарнике у подножия невысокого холма и готовился справить малую нужду на колючий, изогнутый ствол опунции. Мясистые зеленые листья, каждый не меньше ладони самого Джорджа, касались его рук и плеч, скребя по одежде толстыми шипами. Собравшись с духом, он откинул полы плаща, расстегнул пуговицы на серых, потертых штанах и извлек часть себя, хорошо известную шлюхам от Арканзаса до Нью-Мексико. Прикрыл глаза, чувствуя, как нарастает жгучая боль в паху. Переполненный мочевой пузырь, казалось, под завязку набит толченым стеклом вперемешку с гравием, а член напоминал раскаленный прут в руках ковбоя, что клеймит табун. Еще несколько мгновений, и горячая, мутная струя ударила в шероховатый ствол, растекаясь по неровной коре, поползла вниз, собираясь в пенистую, зловонную лужу. Джордж застонал.

«Проклятая простуда!» – с бессильной яростью думал он. Неделю тому Джордж сильно вымок, и вдобавок, заночевал под открытым небом, укрывшись не толстым шерстяным одеялом, а промокшей насквозь, лошадиной попоной. Казалось бы, сущий пустяк для такого здоровяка, но уже на следующий день он ощутил легкое покалывание и тяжесть внизу живота, а дальше дела пошли и вовсе из рук вон плохо. Оправление малой нужды превратилось в изощренную пытку.

ку, дважды Джордж обмочился, не успев расстегнуть штаны. Попахивало от него с той поры прескверно.

Поток мочи понемногу иссякал, принеся Джорджу кратковременное облегчение. Он стоял, упершись лбом в ствол опунции, ощущая кожей неровности коры. Обычно красное лицо побледнело, на кончике кривого, не раз сломанного носа висела большая, прозрачная капля пота. Глаза Джорджа бездумно смотрели вниз, на пенистую лужу меж широко расставленных ног. В ней большой коричневый жук боролся за жизнь, пытаясь выбраться на твердую землю. Он отчаянно перебирал лапками, то и дело вцепляясь в плавающий по поверхности сор, то вновь теряя опору. Джордж криво усмехнулся. Присев над лужей, он щепкой вытолкал жука на сушу и замер, наблюдая как тот, бодро перебирая лапками, устремился прочь. Затем Джордж распрямился, и, на секунду задумавшись, обрушил на спасенное насекомое стоптанный каблук своего сапога. Еще мгновение он смотрел на раздавленного жука, а затем, криво усмехнувшись, направился назад, в лагерь.

Из темного зева пещеры пахло затхлой сыростью, когда Джордж, чуть наклонив голову, шагнул в узкий коридор, образованный неровными, блестящими от влаги стенами. Издалека доносились хриплые голоса, запах дыма и жарящегося бекона. Он шел на звук, осторожно переставляя ноги, касаясь пальцами холодного, мокрого камня. Футов через двадцать проход круто сворачивал влево, обрываясь в неболь-

шом круглом зале с высоким, уходящим в темноту потолком. На неровном полу весело потрескивал небольшой костерок, освещая собравшихся в круг четверых мужчин. Они сидели, привалившись спинами к брошенным на камень седлам, глядя, как закипает над огнем старый, мятый кофейник и лениво перебрасывались короткими, ничего не значащими фразами. Двое курили.

– Эй, Джорджи, как дела? – завопил один из мужчин. На смуглом, обветренном лице играла глумливая улыбка, выпуклые черные глаза весело поблескивали. – Твой маленький амиго еще при тебе? Или отвалился и теперь ездит в кармане?

– Дьявол тебя раздери, Пако! Жаль, что шериф прокрутил тебе лишнюю дырку в заднице вместо того, чтоб снести твою тупую башку, – вяло огрызнулся Джордж.

Пако Гонзалес довольно ощерился.

– Джордж, у тебя кровь, – тихим, вкрадчивым голосом произнес Папаша Финниган. При рождении мать нарекла его Крисом, но Папаша уже забыл, когда последний раз слышал это имя. Невысокий, болезненно худой, он сидел закутавшись в толстое одеяло, и сжимал в костлявой руке большую железную кружку. Над кружкой вился парок, приятно пахнущий свежесваренным кофе.

– Что? – непонимающе произнес Джордж, и тут же почувствовал тупую боль в нижней губе. Отер рукой рот и мрачно уставился на широкую красную полосу, оставшуюся на тыль-

ной стороне ладони. – Губу прикусил. Наверное.

– Так плохо? – в голосе Финнигана не слышалось сочувственных ноток.

– Нет, нет, все в порядке. Не волнуйся, Папаша, я в норме, – зачастил Большой Джордж. А перед его глазами внезапно встала картина двухлетней давности.

Воздух в каньоне раскалился, наверное, до ста градусов, когда Майк Меллоуз потерял сознание и завалился в бок, упав на пыльную, каменистую дорогу, уходящую вдаль и теряющуюся среди невысоких холмов. До спасительного поворота оставалось миль пять, возможно, и больше. Висящее над землей марево не позволяло верно оценить расстояние, смазывая картину и заставляя слезится глаза. За бандой гнались обезумевшие от ярости ранчерос, и расстояние, разделявшее их, уменьшалось с каждой минутой. Папаша Финниган надеялся добраться до границы раньше, чем проклятые мексиканцы доберутся до них. Иначе, добра не жди. Лучше было б купить этих проклятых лошадей, деньги у них были. Кто ж знал, что тот мексикашка только притворялся испуганным, все время выбирая момент, когда смог бы схватиться за ружье.

Старый козел, лопоча и кланяясь, пятился задом, словно рак, а зацепившись за порог полетел кувырком, едва не разбив себе голову. Все рассмеялись. Они еще смеялись, когда снова увидели ранчера. Тот лежал на деревянном полу и целился в них из огромного, рассыпающегося от ста-

рости, дробовика. Джорджу тогда показалось, что длинные, испятнанные ржавчиной, стволы смотрят прямо ему в лицо. Старик спустил курок. Раздался сухой щелчок осечки, затем громынуло. Густое облако белого дыма заволокло дверной проем, а справа кто-то истошно завопил от боли. Смех сменился криками ярости, загрохотали беспорядочные выстрелы, то и дело перемежаемые проклятьями.

Ранчера застрелили, когда он пытался перезарядить дробовик. Три пули вспороли старику спину, прочертив на коже кровавые борозды и обнажив ребра. Четвертая, выпущенная Финниганом, попала в лоб, на дюйм выше левого глаза, пробив аккуратную, почти бескровную дырку. Он так и остался на деревянном полу собственного дома, уткнувшись лицом в грязные неструганные доски, сжимая в руке тусклый, покрытый зеленоватой патиной патрон.

Майк лежал на земле, схватившись правой рукой за раздробленное плечо и орал во все горло. Под ним уже растеклась ярко-красная лужа, с каждой минутой становясь все больше.

– Перевяжите его, – сухо бросил Папаша. – Перевяжите, а потом приведите этих чертовых лошадей, дьявол вас раздери! – в его голосе слышалась едва сдерживаемая ярость.

Внезапно со стороны загона раздалось громкое ржание и drobный перестук копыт. Мальчишка лет пятнадцати, должно быть внук старика, вскочил на огромного солового коня и уже мчался прочь, за подмогой. Финниган вы-

ругался сквозь сжатые зубы и выхватил из кобуры револьвер. Тяжелый Ле Ма он держал двумя руками, плавно ведя стволом за почти скрытой клубами пыли фигуркой. На миг ствол замер, а потом Папаша быстро выпустил оставшиеся восемь пуль, ловко взводя курок большим пальцем левой руки. Джордж видел, как вздымались фонтанчики пыли от близких попаданий, но расстояние было слишком велико. Пацан ушел.

– Босс, Майка надо перенести в дом, – раздался голос склонившегося над раненым Пако. Он успел перевязать плечо куском грязной тряпки, но повязка уже промокла от крови.

– Некогда. Надо уходить. Приведите этих чертовых лошадей! – голос Папаша, вначале спокойный, сорвался на крик.

И вот теперь Майк упал. Он лежал на пыльной дороге, слабо шевеля здоровой рукой, словно хотел подняться. Финниган спешил и подошел к Меллоузу. Присел рядом с умирающим, вглядываясь в светлые, продернутые болью, глаза. Молча встал, потянул из кобуры револьвер. Майк, попытался подняться, опершись на здоровую руку, но ноги только бессильно скребли по земле, отказываясь держать ослабевшее тело. Финниган взвел курок.

Гроыхнул выстрел, эхом отразившийся от каменных стен каньона. Голова Майка дернулась, из затылка вылетел кровавый ком и расплескался в пыли. Тело Меллоуза на мгновение напряглось, а затем ослабло, бессильно зава-

лившись на бок.

– Вперед, – кратко скомандовал Финниган, садясь в седло. С тех пор их осталось пятеро.

– Точно в норме? – вкрадчивый голос Папаши вырвал Большого Джорджа из власти воспоминаний.

– Точно, – слегка заикаясь, подтвердил тот.

– Хорошо. Тогда поговорим о деле, – Финниган отхлебнул из кружки и продолжил. – Шерифа в городе нет, и не будет еще несколько дней. Перез позаботился об этом.

– Правда? – Пако с нескрываемым удивлением смотрел на худого, жилистого мужчину, попыхивавшего толстой самокруткой. – Я думал, ты потерялся между ляжек Большой Салли, и мы тебя больше никогда не увидим, – Гонсалес нарочито печально вздохнул и благочестиво перекрестился.

Диего глубоко затянулся и выдохнул облако густого, сизого дыма.

– Не завидуй, Пако. Если будешь мыться чаще, чем два раза в год, не будет надобности платить тройную цену в борделе. Гонсалес задохнулся от возмущения. Он уже открыл рот для достойного ответа, когда раздался тихий, бесцветный голос Финнигана.

– Про шлюх поговорим после. Диего, – кружка слегка качнулась в сторону Переза, – устроил небольшую заварушку на ранчо «Бланка», что в пятнадцати милях от Трои. Теперь шериф и его парни ищут бродяг, что порезали двух ковбоев и обчистили дом. Так что в городе никого не осталось.

– Это хорошо, – Большой Джордж обрадовался, что Папаша больше не вспоминает про его немочь, и стремился еще дальше увести разговор от опасной темы. – Тогда мы справимся без труда. Я и Пако берем на мушку кассира...

– Заткнись, Джордж. Ты никогда не отличался ни умом, ни сообразительностью, – голос Финнигана звучал спокойно и немного отстраненно, но слова мгновенно застряли в горле Джорджа.

Несколько мгновений Папаша наслаждался тишиной, прерываемой только едва слышным потрескиванием костра, а затем продолжил.

– Шерифа нет, это верно. Но банк мог нанять ищеек Пинкертона, пока тот не вернется. Или подрядить нескольких парней, из местных. За пару монет, или около того. А неприятности мне ни к чему, – он помолчал, катая кружку между ладоней. Затем сделал осторожный глоток.

– Эй, Кваху! Просыпайся парень, я с тобой говорю! – в голосе Финнигана послышалось раздражение.

Высокий мужчина, сидевший дальше всех от костра, снял закрывавшую лицо шляпу и аккуратно отложил в сторону. Затем поднялся на ноги и шагнул в круг света, отбрасываемого пляшущими на поленьях языками пламени. Оранжевые отблески выхватили из темноты мягкие мокасины из оленьей кожи, простые полотняные штаны и куртку, сшитую из обрезков шкур. Смуглое лицо мужчины, обрамленное прямыми, до плеч черными волосами, выражало покой

и легкую сосредоточенность.

– Нет, босс, я не спал., – его голос, низкий, глубокий, не выражал никаких эмоций.

– Ты пойдешь в город на рассвете и осмотришь его. Запомни, нельзя, чтоб кто-нибудь тебя увидел. Не так уж часто в Трою заявляются краснокожие, – Финниган визгливо хохотнул, явно довольный своей шуткой. Джордж и Пако вторили ему, даже невозмутимый Диего, и тот криво ухмыльнулся.

На бесстрастном лице молодого индейца, а он был молод, очень молод, не дрогнул ни один мускул.

– Да, босс, я все осмотрю. И нет, меня никто не увидит. Потом я буду ждать вас у низкого холма с плоской вершиной, того, что к востоку от города.

– Молодец, парень, просто молодец! – в голосе Папаши Финнигана звучало неподдельное восхищение. – Если б ты не был краснокожим, я подумал бы, что метишь на мое место!

Окончание фразы заглушил взрыв громового хохота. На этот раз смеялся даже мрачный Диего. Индеец – босс, что может быть нелепее?!

Кваху еще несколько мгновений стоял, ожидая продолжения разговора, а потом вернулся к своему одеялу и лег на пол, подложив под голову черное кожаное седло, украшенное большими медными заклепками. Разжал кулак, что сжимал на протяжении всего разговора, и посмотрел на ка-

мень, размером с голубиное яйцо.

Камень, полупрозрачный и чуть зеленоватый, формой напоминал каплю. Его гладкую, словно отполированную поверхность покрывала искусная вязь из сплетающихся между собой линий. В более узкой части камня было отверстие, скорее природное, чем рукотворное, сквозь которое молодой индеец пропустил тонкий кожаный ремешок. И он светился. Возможно, всему виной были случайные отблески костра, падавшие на полированную поверхность, но в полумраке пещеры казалось, что в зеленоватой глубине медленно бьется крохотная искорка света. Кваху лежал, полуприкрыв глаза и ласкал камень, нежно проводя пальцами по сложному геометрическому узору. И в такт его движениям, внутри то вспыхивало, то угасало сияние.

– Слышишь, краснокожий! – Пако дождался, пока карие глаза юноши оторвутся от зажатого в руке предмета, и заорал во все горло. – Что ты носишься с этим булыжником? Или это амулет? А, ясно, амулет, для того чтоб твой револьвер не давал осечек во время перестрелки с девчонкой, – а заметив непонимающий взгляд, добавил, – перестрелки в комнатах на втором этаже салуна! Ээээ, да теперь мы будем звать тебя Вождь Каменное Яйцо! – На этот раз никто не рассмеялся.

В городе они появились незадолго до полудня. В серой от дорожной пыли одежде, на невысоких крепких лошадях, пятеро мужчин вполне могли сойти за ковбоев, что гнали та-

бун на продажу, а теперь возвращались налегке, с деньгами в карманах и хорошим настроением в придачу. Кони шагали медленно, поднимая с земли небольшие облачка бурой пыли, всадники ловили на себе любопытные взгляды горожан.

Миссис Филлис, старая дева и ревностная христианка, знающая все воскресные проповеди отца Калагана наизусть, возмущенно фыркнула, когда Пако Гонсалес, прикоснувшись пальцами к полям шляпы, почтительно осклабился, пожирая глазами ее плоскую грудь, едва заметную под строгим коричневым платьем. А затем, с нескрываемым любопытством, уставилась им вслед.

– Эй, мистер! – голос говорившего более всего напоминал жабье кваканье, – в нашем городе дикари не нужны. Им тут не рады, мистер!

Финниган остановил коня и медленно обернулся. На крыльце маленького деревянного домика, в сплетенном из виноградной лозы кресле – качалке сидел лепреккон. На сморщенном, словно печеное яблоко, личике выделялся огромный, поросший длинными волосами, нос. Слезающиеся блекло-голубые глаза обрамляли красные, воспаленные веки, маленький рот искривился в недовольной гримасе. Редкий белый пушок, заменявший гному волосы, не мог скрыть розовой, как у молочного поросенка, кожи.

– Мистер, ты меня слышишь? – лепреккон ткнул в сторону Финнигана курительной трубкой, сработанной из кукурузного початка. Коротенькие ножки, едва заметные под лежащим

на коленях пледом, нетерпеливо постукивали по креслу.

Финниган моргнул. Наваждение рассеялось, и перед ним оказался старик, горбун или карлик, определить точнее не представлялось возможным.

– Не беспокойтесь, сэр, – мягко произнес он, прикоснувшись пальцами к своему, выдавшему виды, сомбреро. – Мы не задержимся в городе надолго. Ни минутой более чем это необходимо.

Карлик довольно хрюкнул, губы скривились в усмешке, обнажив розовые, без малейшего признака зубов, десны.

– Это хорошо, мистер. Вы понятливый, – старик расхохотался странным, ухающим смехом. Затем махнул рукой с зажатой в ней трубкой, словно отпуская стоящих перед домом мужчин.

Единственная в городе коновязь, предназначавшаяся для приезжих, располагалась между салуном «Эльдорадо» и новеньким, сложенным из светлых, еще не растрескавшихся от жары досок, зданием почты. На деревянном, перевернутом вверх дном ведре, сидел оборванный светловолосый мальчишка лет десяти отроду и ел яблоко. Белые зубы с хрустом впивались в сочную мякоть плода, сладкий сок стекал по подбородку и шее.

Мужчины спешили. Опустив руку в карман, Папаша Финниган шагнул к грызущему яблоко оборванцу и остановился, глядя на веснушчатое, перемазанное пылью и соком, лицо. Достал серебряный доллар и принялся крутить моне-

ту на тыльной стороне ладони. От большого пальца к мизинцу, от мизинца к указательному и обратно. Мальчишка встал на ноги, засунул недоеденное яблоко в карман старых залатанных штанов и вытер рукой рот, оставляя на коже темные полосы грязи. Его большие, светло-голубые глаза не отрывались от серебряного диска, сверкающего в руке Финнигана.

– Скажи, малыш, где можно остановиться на ночь? – голос Папаши звучал успокаивающе, почти нежно.

– В «Эльдорадо», сэр, – взгляд мальчика заковано следил за танцующей в руке незнакомца монетой.

– Там бывает шумно? – Финниган пытливо взгляделся в чумазое лицо.

– Нет, мистер. Из приезжих только вы. А Хоккинс тихий, хоть до вечера набирается так, что не всегда может устоять на ногах, – в своем желании получить доллар мальчишка забыл упомянуть о четверых мужчинах, сошедших с дилижанса два дня тому. Остановились они на ферме преподобного Калагана, а значит и не в городе вовсе. Так что когда Финниган приподнял подбородок парнишки затянутыми в перчатку пальцами, то встретился с немного испуганным, но абсолютно искренним взглядом больших детских глаз. Подброшенная в воздух монета серебряной искрой сверкнула в горячем полуденном воздухе и исчезла в маленьком кулачке.

– Напои коней, малец, но не вздумай расседлывать! – строгим голосом наказал Папаша и направился через улицу к приземистому зданию банка. Остальные последовали

за ним.

Глава 5. Схватка

Финниган

Широкий фасад банка украшали четыре забранных решетками окна, по два с каждой стороны, и большая двустворчатая дверь посередине. Ко входу вели три невысокие ступеньки, огражденные некоторым подобием перил. Створки двери, сработанной из толстых дубовых досок, украшали до блеска начищенные медные ручки в форме головы льва. На одной из голов висела потемневшая от времени дощечка с вырезанным на ней единственным словом: «Закррито».

Финниган окинул взглядом пустынную улицу. Никого. В зале салуна, ярдах в тридцати от места, где стоял Папаша, какой то пьянчужка уже наливался утренняя пивом, да на противоположной стороне в широком окне цирюльни виднелся хорошо одетый человек с газетой в руках. Его голова откинулась на спинку кресла, раскрытые листы укрывали грудь. Человек с газетой спал. Все спокойно, никакой опасности. Финниган протянул руку, коснувшись широкой спины Большого Джорджа и тихо, одними губами, произнес: «Давай».

И тут высоко в небе прогрехотал гром. Внезапный порыв ветра сорвал с головы Финнигана потертое сомбреро и отшвырнул прочь. Теплые капли дождя упали на щеки и лоб. Папаша недоуменно поднял глаза на чистое, без еди-

ного облачка, небо и машинально обтер лицо рукой. Взглянул на выпачканную красным ладонь и развернулся, выхватывая из кобуры револьвер.

Лерой

Сэм Лерой сидел на крохотном деревянном помосте под церковным колоколом, поджав под себя ноги и привалившись спиной к высокому парапету, ограждавшему колокольню. Тяжелый однозарядный «Шарп» лежал на шершавых досках, а меж широко разведенных коленей Лероя примостилась зарядная колодка на пять патронов. Сэм утер потный лоб и аккуратно надавил на деревянную стену прямо перед собой. Пятидюймовый кусок парапета легко выскочил из пазов и вывалился наружу, повиснув на куске тонкой бечевки. Глянув в бойницу, Лерой аккуратно поднял винтовку и прицел к прицелу.

Пятеро всадников медленным шагом двигались по главной улице города, с интересом оглядываясь по сторонам. Спокойные, в припорошенной пылью дорожной одежде, больше всего они напоминали ковбоев, возвращавшихся после трудного перегона, но Сэм знал, что это не так. Он подал зарядный рычаг вниз и вперед, открывая затвор «Шарпа», достал из колодки большой, маслянисто поблескивающий патрон и вложил в патронник. Аккуратно вернул рычаг на место.

Когда в следующий раз Лерой выглянул из бойницы, муж-

чины успели спешиться, и о чем-то толковали с мальчишкой, стоя перед городской коновязью. Один из бандитов бросил парнишке монетку, ярко сверкнувшую на солнце, и, развернувшись, направился к зданию банка. Остальные последовали за ним.

Сэм видел, как из дверей салуна «Эльдорадо» на улицу шагнул Майк. Он посмотрел на колокольню, кивнул и вскинул дробовик к плечу. Стволы ярко блеснули, отражая солнечный свет. Пора. Лерой прижался щекой к полированному дереву приклада, выбирая цель. Ей оказался крупный мексиканец в черной широкополой шляпе и пестром пончо. Он стоял у дверей, сжимая в руке большой револьвер. Медная мушка плавно скользнула по его фигуре и замерла чуть ниже правого уха. Сэм аккуратно выжал спуск.

Грохот выстрела ударил по барабанным перепонкам, окованный сталью приклад больно врезался в ключицу, выбивая из глаз невольные слезы. Сэм бросил винтовку на пол и перекатился на бок, стремясь оказаться как можно дальше от бойницы. Повисший над колокольной клуб густого белого дыма ясно указывал парням внизу, где следует искать стрелка. Еще секунда другая, и сюда полетят пули.

Арлин

Майк Арлин сидел за столом в пустом зале, наклонившись вперед и положив голову на скрещенные руки. Большая пивная кружка, до половины наполненная лимонадом, стояла

на самом краю столешницы, еще одна, перевернутая, лежала в паре дюймов от бессильно разжавшихся пальцев Арлина. Озерцо липкой, пахнувшей цедрой жидкости, растекалось по полированной поверхности и медленно впитывалось в рукав шерстяного пиджака Майка.

В дальнем конце зала за барной стойкой скучал полноватый джентльмен в светлой накрахмаленной рубашке и черных брюках. Краем когда-то белого, а теперь посеревшего от многочисленных стирок полотенца, он ловко протирал стопки из толстого стекла и отправлял на длинную полку у себя за спиной. Иногда, неудовлетворенный результатом, он придирчиво исследовал то один, то другой стакан, поднося их к окну и глядя на просвет.

Заметив группу из пяти мужчин, направлявшихся к зданию банка, он аккуратно отставил стопку, тщательно вытер руки полотенцем и три раза постучал костяшками пальцев по гладкой г поверхности стойки. Затем, поддернув брюки, осторожно улегся на пол и прикрыл голову руками.

Услышав негромкий стук, раздавшийся со стороны бара, Майк Арлин поднялся на ноги и неверной, пошатывающейся походкой изрядно набравшегося человека, направился к выходу. Протянув руку, подхватил стоявший у двери дробовик, и, на мгновение замешкавшись, шагнул на залитую солнечным светом улицу.

Еще не закончив разворот, Папаша Финниган понял, что опоздал. В дверях салуна стоял тот самый пьяница, что минуту назад крепко спал, навалившись грудью на стол и уткнувшись лбом в лужу разлитого перед ним пива. Только теперь мужчина совсем не выглядел пьяным. Высокий, массивный, он крепко держался на чуть согнутых в коленях ногах, прижав к плечу дробовик и глядя на Финнигана холодными глазами стрелка. Время остановилось, и Папаша завяз в нем, как вязнет муха в бочонке, до краев наполненном сладкой патокой. Он видел мужчину, смотрящего на него поверх прицельной планки ружья, видел взведенные курки, хищно нависшие над едва заметными пеньками ударников. Стволы, длинные, блестящие, в царапинах и раковинах, оканчивались огромными черными дырами, из которых на Финнигана, ухмыляясь, смотрела сама Смерть. Холодная волна окатила Папашу, лишая сил и отхлынула, оставив после себя лишь тупое оцепенение. Из стволов плеснуло огнем, что-то сильно ударило в живот. Он медленно опустил глаза. Короткая куртка из плотной кожи свисала лохмотьями, еще мгновение назад белая рубаха напиталась кровью и плотно облепила ребра. А на месте живота выпирал большой ком осклизлых веревок неприятного, синевато-розового цвета. Остро пахло кровью и дерьмом. Ноги подогнулись, Папаша со стоном плюхнулся на деревянную ступеньку, ведущую к дверям банка. Запоздалая боль пронзила тело, а затем, тьма сомкнулась над Финниганом.

Кваху

Кваху уже прикоснулся к двери, когда на его плечо легла тяжелая, потная рука и попыталась оттащить в сторону. Яростно зашипев, индеец оглянулся, заранее зная, кого увидит. И не ошибся. За спиной стоял Пако с револьвером в руке и глумливой улыбкой на заросшем короткой щетиной лице. Губы его шевельнулись, Кваху услышал короткую, словно плевок, фразу: — «Пшел вон, ублюдок!» Толстые пальцы, лежавшие на плече сжались словно клещи, причиняя неимоверную боль. Юноше показалось, что он слышит, как трещат его кости и рвутся сухожилия. Рука метнулась к поясу и схватила за костяную рукоять ножа. А миг спустя голова Пако взорвалась, забрызгав Кваху каплями горячей крови, осколками костей и кусочков мозга. Рука, лежащая на плече, разжалась, и почти обезглавленное тело Пако Гонсалеса рухнуло на ступени, заливая кровью потемневшие доски крыльца. Не задумываясь ни на секунду, Кваху рванул на себя блестящую медную ручку, молясь единственно о том, чтоб дверь оказалась не заперта. Какое то мгновение тяжелая дубовая створка сохраняла неподвижность, а потом, со скрипом провернувшись на несмазанных петлях, широко распахнулась, открывая взгляду спасительный полумрак главного зала банка. За спиной уже во всю гремели выстрелы, пули противно визжали, выбивая длинные, острые щепки из ступеней и перил, пятнали дощатые стены крупными черны-

ми дырами. Что-то твердое и горячее ожгло бедро, выдрав клок мяса и бросив его на колени. Отчаянным рывком Кваху бросился вперед, перекатился через высокий порог и рухнул на пол, закатившись за массивное деревянное кресло, предназначенное для посетителей.

Уитмор

Питер Уитмор едва не пропустил все веселье, и виной тому оказалось большое плетеное кресло, в котором он коротал время, укрывшись газетой. Едва прогремел первый выстрел, Уитмор, сжатый как часовая пружина, вскочил на ноги, но, слишком сильно толкнувшись, упал на бок, а несчастный предмет обстановки навалился сверху, лишая возможности встать. Питер зарычал и пополз к выходу, где рядом с дверью, прислоненный к стене, стоял его винчестер. Когда же он, освободившись от кресла, появился на пороге цирюльни, двое бандитов уже лежали мертвыми на ступенях банка, а остальные замерли, словно не в силах поверить в случившееся. Майк Арлин, опустившись на одно колено, пытался перезарядить дробовик, но дело явно не ладилось. Латунные гильзы, не выдержав слишком большого заряда пороха раздулись, намертво застряв в патронниках. Майк, оскалившись, ковырял ножом неподатливый металл. Одна гильза сдалась, рыбкой выпрыгнула наружу, и, прочертив в воздухе короткую дугу, плюхнулась в пыль. Но вторую заклинило не на шутку. «Еще несколько секунд, и парни

у банка схватятся за револьверы», — подумал Уитмор, вскидывая винтовку.

Времени было в обрез, и он открыл огонь, наведя мушку чуть выше колен парня — индейца, одетого в сшитую из лоскутов куртку. Буммм! Краснокожий споткнулся, и, нелепо взмахнув руками, рухнул в им же открытую дверь. Буммм, буммм, буммм! С каждым выстрелом винтовка поднималась все выше, теперь пули ложились на уровне груди стоящего человека. Оставшихся на ногах бандитов охватила паника, они толкались в дверях, не в силах протиснуться внутрь. Буммм! Тяжелая пуля калибра.44—40 пролетела в дюйме от левого уха здоровяка и продырявила стену, обдав его дождем острых, как иголки, щепок. Он подался назад, закрывая лицо руками, а второй, невысокий, худой парень, угрем проскочил внутрь. Питер выдохнул и прицелился ровно в центр широкой спины здоровяка. Плавнo надавил на спуск и увидел, как лопнула куртка на правом плече бандита. Но тот уже исчез в темном прямоугольнике дверного проема. Оставшиеся шесть патронов Уитмор выпустил в быстром темпе, энергично дергая рычаг перезарядки. Пули дырявили фасад на уровне человеческой груди, но вряд ли когонибудь задела. На несколько секунд воцарилась тишина. Затем, громко хлопнула задняя дверь, раздался невнятный крик и сухой треск револьверных выстрелов.

Грохот «Шарпа» вырвал Клива из крепких объятий сна и он, резко выпрямившись, вышиб головой деревянную крышку бочонка. Солнце ударило в глаза, заставив Бриннера на мгновение зажмуриться. Он рефлекторно вскинул руки к лицу и понял, что застрял. Локти уперлись в стенки, а кисти, запутавшись в полах куртки, намертво заклинили тело, не давая встать. На мгновение Клива охватила паника. Еще немного, и задняя дверь отворится, пропуская во двор ополоумевших от страха бандитов. А миг спустя они изрешетят неудачливого охотника, торчащего из старой бочки как рождественский гусак из сетки, подвешенной к балке в сарае. Клив почти слышал приглушенные шлепки пуль по потемневшим от времени доскам, чувствовал, как разрывается в клочья его тощее тело. Зарывав от отчаяния, он качнулся вперед, налегая всем весом на источенные дождями и жарой обода, и скорее почувствовал, чем услышал, как с легким треском ломается хрупкое дерево. Бочка накренилась, на мгновение замерла, пытаясь сохранить равновесие, потом с грохотом рухнула на утопанную землю двора, развалившись от удара на части.

Клив кубарем выкатился из под груды навалившихся сверху обломков и, петляя как заяц, бросился к стоявшему посреди двора возу. Услышал, как глухо бухнула двустволка Майка. Судя по звуку, Арлин выпалил из двух стволов сразу, одновременно выжав оба спусковых крючка. Клив понадеялся, что ему не выбило отдачей кисть и не переломало паль-

цы. Согнувшись в три погибели за массивным колесом воза, Бриннер правой рукой извлек из кобуры револьвер, а пальцами левой ощупал кармашки на оружейном поясе, в которых лежали, дожидаясь своей очереди, пять сменных барабанов. Хвала Всевышнему, все на месте.

Симфония боя опять поменяла тональность. На смену громовым раскатам дробовика пришли короткие, кашляющие звуки, сопровождавшиеся сочными шлепками тупоносых пуль по стенам здания. Клив увидел, как несколько длинных щепок отлетело от задней стены банка, в том месте, где пули прошли его насквозь. Он взвел курок револьвера и, дождавшись, когда Уитмор прекратил палить из так любимого им «Винчестера» модели 1873 года, бросился к выходящей во двор двери здания. Воз, за колесом которого Клив укрывался еще несколько секунд назад, стоял ровно на середине пути, так что преодолеть оставалось не более двадцати ярдов. Он бежал, низко пригнувшись, надеясь на то, что тяжелые пули калибра.44—40 пройдут выше, начини Уитмор снова дырывать стены банка.

На то, чтоб добежать до двери, Кливу понадобилось не более пяти секунд. Он уже коснулся пальцами деревянной ручки, когда дверь с грохотом распахнулась, раскवासив ему нос и отбросив футов на пять вглубь двора. Не удержавшись на ногах, Бриннер повалился на спину, отчаянно моргая слезящимися от боли глазами. На пороге, удивленно раскрыв рот, застыл высокий широкоплечий мужчина с большим ре-

вольвером в левой руке. Обветренное, грубое, словно поделка неумелого скульптора, лицо перечеркивали несколько длинных, сочащихся кровью царапин, из левой щеки торчала толстая деревянная щепка. С правой стороны груди, на дюйм ниже ключицы зияла кровоточащая дыра с вывернутыми наружу, рваными краями. Мгновение, и изумление в его глазах сменилось яростным отчаянием. Он только начал поднимать револьвер, когда Бриннер, перекатившись на спину, открыл огонь из своего ремингтона. Слезы застилали глаза, не давая прицелиться, и он, направив ствол в сторону расплывчатого силуэта, выпустил шесть пуль, одну за другой, взводя курок ударом ладони левой руки и быстро нажимая на спуск. Плотное облако порохового дыма заволокло фигуру стоящего в дверях человека, и Клив откатился в сторону, уходя от ответного выстрела. На несколько секунд воцарилась полная тишина, а после раздался глухой стук падающего тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.